
ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 347.963; DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-7-18

КРЫЛЕНКО Н.В.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРГАНАХ ЮСТИЦИИ. 1920-е – НАЧАЛО 1930-х ГОДОВ. ЧАСТЬ 2. КРЫЛЕНКО Н.В. – ПРОКУРОР РЕСПУБЛИКИ И НАРКОМ ЮСТИЦИИ

Васильев Сергей Дмитриевич.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Алекперов Руслан Садигович.

**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия**

✉Настасюк Наталья Петровна.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉nastasuk@gmail.com

Аннотация. Рассматривается деятельность Н.В. Крыленко в органах юстиции в конце 1920-х – середине 1930-х гг., когда он занимал должности прокурора республики и народного комиссара юстиции РСФСР. На основе анализа его прокурорских речей и публикаций в прессе выявляются идеологические особенности и риторические стратегии, определявшие роль Крыленко как государственного обвинителя и стиль советского правосудия конца 1920-х гг. Особое внимание авторов сосредоточено на двух значимых политических процессах эпохи – Шахтинском деле (1928 г.) и деле Промышленной партии (1930 г.). Рассмотрена его деятельность на посту наркома юстиции: административные реформы, участие в кампаниях по коллективизации и борьбе с «вредительскими элементами». В статье оценивается вклад Крыленко в развитие советской правовой и прокурорской систем, подчеркиваются противоречия между его правовыми идеалами и реалиями советской политической юстиции, которые и привели к его падению в ходе Большого террора.

Ключевые слова: советская юстиция, прокурор республики, народный комиссар юстиции, Шахтинское дело, Промышленная партия, политические процессы, советское право, идеологизация суда, социалистическая законность

Для цитирования: Васильев С.Д., Алекперов Р.С., Настасюк Н.П. Крыленко Н.В.: деятельность в органах юстиции. 1920-е – начало 1930-х годов. Часть 2. Крыленко Н.В. – прокурор республики и нарком юстиции // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2026. № 2 (71). С. 7–18. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-7-18

Scientific article

**KRYLENKO N.V.: ACTIVITIES IN THE JUSTICE SYSTEM. 1920s – EARLY 1930s.
PART 2. KRYLENKO N.V. – PROSECUTOR OF THE REPUBLIC AND PEOPLE'S
COMMISSAR OF JUSTICE**

Vasiliev Sergey D.

Saint-Petersburg state university, Saint-Petersburg, Russia.

Alekperov Ruslan S.

Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen, Saint-Petersburg, Russia

✉ **Nastasyuk Natalya P.**

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ **nastasuk@gmail.com**

Abstract. This article examines N.V. Krylenko's activities in the justice system from the late 1920s to the mid 1930s, when he served as the republic's prosecutor and as people's commissar of justice of the RSFSR. An analysis of his prosecutorial speeches and press publications reveals the ideological characteristic and rhetorical strategies that defined Krylenko's role as a public prosecutor and the style of Soviet justice in the late 1920s. The authors focus particularly on two significant political trials of the era – the Shakhty affair (1928) and the Industrial Party Affair (1930). His activities as People's Commissar of Justice are examined, including administrative reforms, participation in collectivization campaigns, and the fight against «sabotage elements». The article assesses Krylenko's contribution to the development of the Soviet legal and prosecutorial systems, highlighting the contradictions between his legal ideals and the realities of Soviet political justice, which led to his downfall during the Great Terror.

Keywords: Soviet justice, prosecutor of the republic, people's commissar of justice, Shakhty affair, Industrial Party, political trials, Soviet law, ideologization of the court, socialist legality

For citation: Vasiliev S.D., Alekperov R.S., Nastasyuk N.P. Krylenko N.V.: activities in the justice system. 1920s – early 1930s. Part 2. Krylenko N.V. – prosecutor of the republic and people's commissar of justice // *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii* = Right. Safety. Emergency situations. 2026. № 2 (71). P. 7–18. DOI: 10.61260/2074-1626-2026-2-7-18

В первой части авторского исследования, посвященного деятельности главного государственного обвинителя, одного из руководителей советской прокуратуры – Николая Васильевича Крыленко, речь шла об отражении в периодике его роли в организации процесса над правыми эсерами и о том, какой вклад он внес в становление советского законодательства и судопроизводства, будучи заместителем наркома юстиции [1].

В рамках данной статьи будет рассмотрено участие Н.В. Крыленко в «Шахтинском деле» 1928 г., исследована его роль в «Деле контрреволюционной организации Союза инженерных организаций» (Промышленной партии) и прояснено ее презентование в периодической печати, а также охарактеризована деятельность Крыленко в должности Наркома юстиции в целях выявления основных принципов и подходов, которыми он руководствовался в своей работе.

Как было отмечено в первой части данного исследования, источниковую базу составляют очерки и труды Николая Васильевича Крыленко, написанные им в период деятельности в судебных и прокурорских органах юстиции.

Так, в статье «Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности» 1932 г. Крыленко объясняет принципы и меры пресечения в отношении преступников, которые посягнули на общественную собственность, раскрывая её определение, а также свой взгляд на становление капитализма в России и мире. В этом году публикуется его доклад «Советская юстиция во 2-й пятилетке», в котором Крыленко раскрывает идеи о дальнейшем развитии органов прокуратуры и суда в 1930-ые гг., что важно для исследования с точки зрения выявления механизмов работы юридических органов и этапов деятельности Крыленко.

В 1935 г. была опубликована речь Крыленко «О задачах органов юстиции», в которой содержится ценная информация о состоянии органов юстиции и указаниях по дальнейшему развитию. Анализ этих и других работ Наркома юстиции, как было отмечено в первой части, является ценным материалом для исследования роли Крыленко в политических процессах [1].

Периодическая печать помогает воссоздать образ прокурора республики и наркома юстиции и определить его вклад в развитие советской системы правосудия [1]. Так, газета «Известия» выступает ценным источником для выявления материалов, связанных с участием Крыленко в деле правых эсеров, Шахтинском деле и деле Промышленной партии:

– № 133 от 17 июня 1922 г., где на нескольких страницах представлена стенограмма судебного заседания, в котором Николай Васильевич принимает участие и допрашивает обвиняемых;

– № 169 от 30 июля 1922 г. и № 170 от 1 августа 1922 г., где расположилась заключительная речь государственного обвинителя, которая является ценным материалом для анализа в исследовании;

– в № 114 от 18 мая 1928 г. на третьей странице находится портрет Крыленко, необходимый для воссоздания его образа в исследовании;

– в № 121 от 25 мая 1928 г. на третьей странице содержится иллюстрация Крыленко и его помощника Фридберга во время вечернего заседания 23 мая;

– в № 131 от 8 июня 1928 г. содержится зарисовка допроса подсудимого Кузьмы со стороны Крыленко;

– в № 138 от 16 июня 1928 г. на стр. 8 есть зарисовка Н. Кравченко, как Братановский отвечает на вопросы Крыленко;

– № 150 содержит в себе обвинительную речь Н.В. Крыленко, которая является важным элементом для анализа в исследовании;

– в № 328 есть фотография Крыленко и его помощника Фридберга на стр. 7.

Леонид Млечин в книге «Полководцы-революционеры» раскрывает основные сюжеты судебной деятельности Крыленко, где отразились его действия на должности старшего помощника прокурора РСФСР и наркома юстиции. Питер Соломон в «Советской юстиции при Сталине» подробнейшим образом раскрывает основные принципы работы Наркомата юстиции в 1920-е – 1930-е гг., в которой фигурировал Николай Крыленко, влияя на органы юстиции.

Работа А.А. Есиневича также использована при изложении участия Крыленко в «Шахтинском деле». Как показывает автор, поведение Крыленко было противоречивым. Изложение автором информации увлекательно и необычно, что повышает интерес к научной проблеме.

Итак, рассмотрим «Шахтинское дело». В 1928 г. с 18 мая по 6 июля проходил резонансный не только для Советской России, но и всего мира политический процесс, получивший название «Шахтинское дело», который возглавлял А.Ю. Вышинский. Дело касалось старой инженерной элиты, обвинявшейся в саботаже и вредительстве с целью подрыва социалистической экономики и возвращения к капиталистической системе. Исходя из выдвигаемых обвинений, они сотрудничали с бывшими владельцами угольных предприятий для дестабилизации промышленности, включая подрывы шахт и умышленное нарушение трудового кодекса, правил безопасности. Конечно же, в качестве государственного обвинителя выступал Н.В. Крыленко, а Г.К. Рогинский оказывал ему помощь. В данном судебном процессе принимало участие 16 адвокатов, включая выдающегося представителя старой школы присяжных адвокатов В.Н. Малянтовича [2].

За месяц до начала процесса уже было предreshено, каким будет обвинение. Незадолго до начала государственный обвинитель Н.В. Крыленко уверенно заявил: «Мы стоим на пороге коренных изменений в области нашего судебного строительства – изменений, которые должны будут собой знаменовать начало новой эры в этом строительстве...» [3].

Представляет интерес отражение политического процесса и участие государственного обвинителя на страницах газет. В № 131 газеты «Известия» от 8 июня 1928 г. запечатлен допрос подсудимого Кузьмы, которого Николай Васильевич допрашивает; в № 138 той же газеты от 16 июня 1928 г. опубликованы показания Братановского, который обвиняется во вредительстве и связях с заграничным центром. Подсудимый отвечает на вопросы тов. Крыленко.

На процессе Н.В. Крыленко выступил с громоздким обвинением, напоминавшим доклад о вредительстве и саботаже и неподкреплённым юридическим обоснованием, что не характерно для прокурорской речи. Он испытывал затруднения при аргументировании своих заявлений, больше делая упор на красочную риторику.

Его речь является чрезвычайно интересным аспектом для анализа и, как следствие, выявления его роли в данном политическом деле. Он, следуя примеру своих коллег, в очередной раз более детальным образом осветил деяния, цели и механизмы работы контрреволюционной организации, направленной, по мнению Крыленко, на дестабилизацию государственного строя.

Раскрывая основные принципы уголовной политики, Крыленко подмечает, что «советский суд – «орган, при помощи которого рабочий класс строит новое общество» (№ 150 газеты «Известия») [4]. Крыленко констатирует: «Вот почему его приговоры должны являться определённым орудием политической работы, должны являться определённым орудием воспитания правовой и политической правды» [4]. Легко заметить политизированность обсуждаемого дела, результат которого был известен с самого начала.

Пояснив роль советского суда, Крыленко заявил, что «будет настаивать на применении мер социальных репрессий в отношении целого ряда подсудимых с целью демонстрации определённого политического действия независимо от того, как оно отзовётся на судьбе данного обвиняемого» [4]. Можно сказать, что судебную коллегия и самого Крыленко не волнуют индивидуальные исходы дела у обвиняемых, потому что на первом месте находятся именно политические интересы. В завершении своего выступления Крыленко дал характеристику обвиняемым с требованием различных мер наказания от специального присутствия. Подводя итоги, Крыленко назвал Березовского «бывшим контрразведчиком, опытным вредителем, сухим и жёстким эгоистом, членовредителем, которому верить нельзя» (№ 150 газеты «Известия») [4].

По словам старшего помощника прокурора, Березовский «не заслуживает того, чтобы в отношении него были приняты на веру его слова раскаяния» [4]. «Мы должны, – продолжал Крыленко, – вырвать организацию с корнем. Мы должны отрубить у организации все щупальцы. Рычаги преступной организации должны быть раздроблены на куски и вдребезги. Вот почему уничтожение Березовского является практическим выводом из всего того, что он совершил. «В отношении Березовского мы мыслим только один приговор – расстрелять!» [4]. В отношении следующего подсудимого, Калганова, Крыленко был не менее категоричен: «Такого рода лица, такая категория работников организации должны быть уничтожены, Калганов должен быть расстрелян так же, как и Березовский» [4]. В отношении Самойлова, будущее которого Крыленко видел в изоляции от общества на продолжительный срок, в течение которого можно было бы использовать его труды и знания в местах заключения, государственный обвинитель несколько умерил свой пыл: пятилетний срок лишения свободы представлялся Крыленко «той мерой, которую пока должна применить к нему пролетарская власть» [4]. Относительно Бабенко государственный обвинитель предлагал «посадить туда, где он может принести пользу своей работой и своими знаниями. Пусть этот мягкий приговор специального присутствия Верховного суда покажет, как нужно уважать человеческую жизнь и личность даже тех, которые такого уважения не заслуживают» [4].

Чернокнижникову, Петрову и Элиалае Крыленко рекомендовал назначить небольшие сроки заключения, а Никишину и вовсе вынести условный приговор, так как «урок, который он получил, – самое тяжелое, что может быть» [4]. Конечно, «самое тяжелое», ведь

он оказался, по сути, предателем, и предал не только себя, но и других. А хуже этого нет ничего. Насчет Нашивочникова Крыленко сказал, что «таких издевательств не умеет прощать советская власть» [4] и резюмировал, что «Нашивочникову отсюда один путь – в тюрьму» [4].

Относительно Васильева Крыленко потребовал «физического уничтожения», заявив, что он «бывший меньшевик, белобандит, один из тех, кого незачем терпеть на советской земле» (Крыленко сильно задело, что Васильев – меньшевик. В отношении Беленко Крыленко потребовал пятилетний срок изоляции, указав, что от него «толку и проку в ближайшем будущем ожидать нельзя» [4]. Антонову, чтобы тот понял, что «задачи горного контроля не пустяки», Крыленко предложил дать длительный срок заключения. В отношении Емельяна Колодуба, видимо, в честь того, что он хотя бы частично признался, Крыленко предлагал ограничиться большим сроком заключения. Относительно его брата государственный обвинитель оказался менее милосердным. Он припомнил ему «случай со служанкой», кстати, так и не доказанный, а потом задался вопросами: «Что делать нам с Андреем Колодубом? Зачем нам нужны Колодубы?» – и сам же на них ответил: «Они нам не нужны. Андрея Колодуба расстрелять» [4].

Интересная ситуация сложилась с Потемкиным. Так как он во всем признался, Крыленко предложил назначить его на принудительные работы по пониженной тарифной ставке. Однако Потемкин сознался в таких преступлениях, которые караются по Советскому Уголовному кодексу гораздо суровей. Относительно других сознавшихся подсудимых Крыленко был неумолим в своих жестких требованиях. При этом Потемкина он предлагает фактически освободить, а многих остальных расстрелять. Государственное обвинение на этом процессе, по существу, имело лишь одно доказательство вины того или иного подсудимого – собственные признания. Потемкин же вначале сознался, потом признавался уже частично, потом опять сознался, то есть в представлении советского суда «доказательства» на лицо. Однако Крыленко просит ограничиться лишь административной мерой. Почему? Непонятно. Можно предполагать, что между обвинением и подсудимым имел место сговор, по которому взамен помилования Потемкин был обязан признать свою вину.

В отношении обвиняемого Сущевского Крыленко заявил: «Не считаю, что меру расстрел можно не требовать» [4].

Отдельно Крыленко остановился на наказаниях лидеров вредительской организации. По его мнению, в интересах государственной охраны было необходимо расстрелять: Матова, Казаринова, Бояршинова, Юсевича, Кржижановского, Кузьму, Башкина, Рабиновича, Скорутто, Голсикого как «сознательного классового врага, презирующего новые порядки и новый строй». Государственный обвинитель заявил: «Расстрел Горленкого является, быть может, одним из наиболее выпукло вытекающих из всей совокупности общественных актов самообороны от вредительства» [4]. В отношении Именитова старший помощник прокурора в довольно ироничной форме заявил: «Мне представляется, что ему пора немного отдохнуть от участия в заседаниях, посидеть на одном месте в более или менее однообразной, успокаивающим образом действующей на нервы обстановке» [4]. Бадштибера за дачу взятки Крыленко требует приговорить к условному наказанию. Относительно Отто государственный обвинитель заявил, что «тюремное заключение для Отто достаточно для того, чтобы он пораздумывал на досуге о том, как следует относиться к чужой стране и чужим законам» [4]. В отношении Мейера Крыленко отказался от обвинения по причине того, что, как констатировал сам обвинитель, немецкий специалист был оговорён Башкиным. В отношении остальных обвиняемых Крыленко обошелся без крайностей, то есть не требовал ни расстрелов, ни освобождения из-под стражи, ограничившись лишь требованием различных сроков заключения. Итак, Крыленко потребовал смертной казни для 17 подсудимых. Забегая вперед, скажем, что суд смертный приговор вынесет лишь 11 обвиняемым.

Стоит отметить, что иностранная пресса неоднозначно высказывалась относительно «драконовских» требований Крыленко. Так, по сообщению ТАСС, 2 июля 1928 г. газета «Форвертс» в вопросе о «Шахтинском процессе» в самых резких выражениях высказывается

против требуемых прокурором смертных приговоров [5]. Были и более умеренные отзывы, в частности, левая социал-демократическая газета «Лейпцигер Фольксцейтунг» сообщает: «Подобно тому, как другие государства считают себя в праве защищаться от убийц и изменников путём смертной казни, так и действующее в СССР право применять её против классовых врагов советской власти» [5].

В заключении своей речи Крыленко подчеркнул человеческую природу подсудимых, однако он продолжает следовать линии партии и не оставляет шансов обвиняемым.

Крыленко основной упор делал на признания отдельных участников стороны обвиняемых. Обвинитель даже упомянул, что во время заседания «прошло довольно большое количество фактов», имеющих доказательственное значение, называя их «оговорами». Спустя 10 лет сам Николай Васильевич столкнётся с тем, как признание может стать доказательством.

Дело контрреволюционной организации Союза инженерных организаций (Промышленной партии)

Конец осени и начало зимы было ознаменовано одним из крупнейших политических процессов, центральной темой которого стало обвинение группы инженеров в антисоветской деятельности. Список обвиняемых вызывает интерес, ведь во вредительстве были заподозрены выдающиеся учёные и инженеры, включая профессора Н.Ф. Чарновского, Л.К. Рамзина, руководителя Технологического института и бывшего члена ГОЭРЛО. Также обвиняются ведущие специалисты Госплана и ВСНХ В.А. Ларичев и И.А. Калинин. В результате восемь человек стали фигурантами по «Делу контрреволюционной организации Союза инженерных организаций (Промышленной партии)». Они обвинялись, по ст. 58 Уголовного кодекса, которая вменяла несение ответственности за контрреволюционную деятельность, саботаж и шпионаж [2]. Судебный процесс проходил с 25 ноября по 7 декабря 1930 г.

В роли государственного обвинителя выступал Н.В. Крыленко, в то время как В.И. Фридберг действовал в качестве его помощника [2]. Защиту обвиняемых реализовали адвокаты И.Д. Брауде и М.А. Оцеп [2].

Процесс освещался на всю страну, и новости о нём попадали на страницы периодической печати. В частности, одной из такой крупных газет были «Известия», где политические дела предавались большой огласке. Конечно же, Николай Васильевич не раз упоминался в ходе освещения политических процессов, и проходящий в Москве суд над инженерами не стал исключением.

Важно отметить, что подсудимые заранее признавали свои вину и были обязаны давать развёрнутые показания.

Например, в № 328 газеты «Известия» от 29 ноября 1930 г. на стр. 3 описаны не только различные новости, связанные с событиями в других странах, но и судебное заседание, проходившее вечером 28 ноября, в ходе которого «Крыленко вместе с помощником тов. Фридбергом» [6] проводил допрос Рамзина и Ларичева. В № 330 той же газеты на всю стр. 4 опубликована крупная стенограмма, где преимущественно Крыленко в буквальном смысле осыпает многочисленными вопросами Ларичева и Рамзина, выявляя их взгляды и намерения. «Скажите, пожалуйста, ваши политические убеждения к этому времени окончательно ли сконструировались?» – спрашивает Крыленко [7]. Ларичев даёт развернутый ответ об этом и старается дать понять, что не разделяет вменяемых ему политических убеждений, и это разрушает образ «вредителя», каким его представляют публике.

В № 332 «Известий» от 3 декабря 1930 г. также опубликована стенограмма, но уже с допросом Куприянова со стороны Крыленко. Можно заметить фотографию, на которой «тов. Крыленко задаёт вопросы» [8]. Назойливость Крыленко подтверждается на каждой странице, ведь на любой ответ приходится новый вопрос со стороны государственного обвинителя, который за счёт внимания к мелким деятелям обсуждаемого дела и жизни Куприянова вынуждает обвиняемого сознаться, загоняя в тупик.

В № 337 газеты опубликована речь Крыленко, сопровождаемая иллюстрацией самого государственного обвинителя, который выглядит весьма уверенно и серьёзно. В ходе выступления им были высказаны мысли и идеи, ставшие впоследствии для самого Крыленко роковыми, ведь они использовались в период массовых репрессий и чисток для борьбы с контрреволюционными элементами. Так, на поставленный им вопрос: «Почему сознаются подсудимые?» [9] – он сам и ответил: «Я обращаюсь теперь непосредственно к объяснению того, почему сознаются подсудимые. Вопрос о пытках мы отбросим в сторону. Но даже при самых идиотских допущениях подобного характера это также не сможет объяснить того, как оказались возможны такие детально технически разные показания ... целиком подтверждающие официальные данные о результатах вредительской работы... Но почему? Почему они сознаются? А я спрошу: а что им оставалось делать? Отвертеться в расчете на то, что авось потом кто-то придет и выручит, плохая надежда! Надежд на то, что заpiresательство что-нибудь даст и к чему-нибудь приведет, никаких; а если есть остатки совести – они могут говорить только за сознание» [9]. И далее Крыленко замечал: «Жалкая, изолированная кучка людей, работавших на деньги зарубежных групп, давно потерявших какие бы то ни было авторитет и влияние в глазах масс и, наоборот, трактуемых этими массами как враги народа, – на что эта жалкая кучка могла опереться и рассчитывать? Вот почему эти люди, представители отживающего класса, взятые с поличным, сознаются. Сознаются, так как у них нет другого выхода, ибо никаких идей, даже внутренней убежденности, у них не было и нет» [9]. В конце речи Крыленко заявляет: «Государственное обвинение требует от специального присутствия Верховного суда расстрела всех подсудимых до одного» [10]. Все присутствующие в восторге, ведь в зале были «бурные аплодисменты, крики «ура» [10].

Проводя параллель с «Шахтинским делом», можно подчеркнуть, что обвинительная речь Крыленко снова напоминала доклад о вредительстве и саботаже, неподкреплённом юридическим обоснованием, что не характерно для прокурорской речи. Он испытывал затруднения при аргументировании своих заявлений, больше делая упор на красочную риторику.

Однако, как пишет Крыленко в своей работе «Выводы и уроки из процесса Промпартии», основным свидетельством, на котором строилось обвинительное заключение, был «факт свидания в 1928 году в Париже руководителей контрреволюционной организации» [11] на совещании, «где присутствовали: Ларичев, Рамзин, бывший царский генерал Лукомский и председатель «Торгпрома» Денисов, с одной стороны, и французские полковники Жуанвиль и Ришер – с другой стороны» [11].

В декабре 1930 г. в ходе процесса по «Делу Промпартии», Крыленко выдвинул свою позицию насчёт значения признания вины со стороны обвиняемого. Он утверждал, что такого рода признания – ключевые доказательства: «Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых!» [12]. Комментарий, сделанный прокурором, спустя два десятилетия после его первоначальных замечаний, демонстрирует серьёзные метаморфозы в деятельности Объединённого государственного политического управления к началу 1930-х гг. Дела фальсифицировались, признание обвиняемых в том, что они совершили вменявшиеся им преступления, становилось решающим доказательством [13].

Таким образом, на политических процессах 1920-х гг. Н.В. Крыленко дублировал те политические установки, которые выработало высшее партийное руководство. Вместе с тем видно, что и сам Николай Васильевич сыграл важную роль в их продуцировании. Присущие советской юстиции ригоризм в отношении «чуждых» (пусть и бывших) классов, политизированность судебной практики в полной мере соответствовали его мировоззрению, входили в систему его ценностных ориентаций.

Крыленко – нарком юстиции

Благодаря тому, что деятельность Н. Крыленко была ориентирована на предъявляемые запросы партийного революционного руководства, он сделал головокружительную карьеру. 1931 г. стал знаковым для Николая Васильевича, он начал быстро продвигаться по карьерной лестнице и 5 мая получил должность народного комиссара РСФСР. В тот же период он сумел привлечь А.Я. Вышинского, делегировав ему свои полномочия прокурора, который уже успел создать себе успешную репутацию преданного советским порядкам чиновника. Пройдёт всего несколько лет и благодаря своей фальшивой услужливости перед советской властью, А.Я. Вышинский не просто растопчет и предаст анафеме имя своего предшественника, но и сделает всё мыслимое и немыслимое, чтобы физически уничтожить Крыленко.

На посту народного комиссара Крыленко проявляет себя как активный, инициативный и энергичный деятель, который всеми силами старается привнести в советскую юстицию изменения. Эти годы стали для него тем жизненным периодом, когда проявилась его особенная активность и неутомимость в государственных делах. Во многом благодаря А.Я. Вышинскому, новоиспечённый нарком юстиции отходит от заметных судебных процессов, организовывая, выступая перед публикой и посещая множество мероприятий, съездов, конференций по всей стране, что наиболее ярко отражает его интенсивную работу в министерстве. Изучая жизнь и деятельность Крыленко, можно заметить его целеустремлённый и горячий характер, помогающий ему вести борьбу с противниками сталинского режима, не поддаваясь милосердию в отношении «классовых врагов».

1932 г. был ознаменован тем, что началась коллективизация, тотальная конфискация хлеба у крестьян, которые «пытались спасти часть урожая» [14]. Крыленко не остался в стороне, и суд под его руководством занялся этим делом. Фрагмент книги Л. Млечина показывает, что «работники судебной сферы проводили целые месяцы в деревнях и селах, помогая предавать суду и осуждать тех крестьян, которые отказались приспособиться к политике режима» [15]. Наркомюст, как и сам Крыленко, убеждали судебных работников в том, что политические цели приоритетны в их деятельности. Управляя своим ведомством, Николай Васильевич отправлял указания, в которых говорилось о создании судебных бригад, которые отправлялись на сплошную коллективизацию. Крыленко жёстко требовал от них «усиления работы во время кампаний». По приказу Николая Васильевича Наркомюст обязал каждый регион подробно отчитываться о работе судов на «коллективизационном фронте».

В подобных отчетах, содержалась информация о времени, проведенном на судебных заседаниях; о количестве уголовных дел, начатых судами; о скорости рассмотрения дел и вынесении приговоров; о количестве привлеченных к работе активистов. Инструкции от Наркомюста напоминали о важности следования классовым принципам. В них содержались требования «умнее» собирать доказательства в судебных делах.

Позиция Крыленко при проведении сплошной коллективизации была похожа на позицию крайнего радикала и, более того, экстремиста. Не все суды решались наказать человека и отправить его на срок до 10 лет в лагерь за совершение мелкой кражи ради спасения детей от голода и нищеты. Возмущению Крыленко не было предела при отмене Верховным судом смертных приговоров, он требовал от судей думать, прежде всего, о политической составляющей в их работе, а не осуществлять правосудие, потому что «директива руководящих органов была важнее закона» [15]. В середине 1931 г. можно отметить высокий уровень партийной преданности среди сотрудников судебной системы, что было отличительной чертой Наркомата юстиции, когда им руководил Крыленко, который в этом отношении имел «совершенно исключительную партийную прослойку» [2]. В центральном аппарате был 101 ответственный работник, что составляет почти 84 %. Среди прокурорского руководства, краевых судов, народных судов и районных прокуроров число таких сотрудников было от 91 % до 99 %.

Судебная система того времени являлась отражением социального состава населения, ибо львиная доля судей, следователей и прокуроров имела крестьянское происхождение или из рабочего класса. Численность доходила до 80 %. Росло количество работников прокуратуры и суда, которые получали юридическое образование, после чего они составляли большую часть специалистов в центральном аппарате, прокуратуре и народных судах [2].

С течением времени повышалось и количество женщин, которые занимали должности судей, прокуроров и следователей (до 820 чел.) [2].

Какие задачи выдвигал на первый план нарком юстиции и на что направлял всё своё внимание? Очевидно, что всевозможные действия были связаны с политическими решениями партии, неукоснительным выполнением всех её указаний.

В июне 1932 г. Крыленко, выступая с докладом в Тифлисе перед рабочими, поделился информацией о состоянии советской юстиции и наметил важнейшие задачи на ближайшее время: «Органы суда и прокуратуры, как органы пролетарской диктатуры, как органы борьбы рабочего класса нужны и будут работать, и в ближайшей пятилетке им предстоит немалая доля работы» [16]. Можно сказать, что Крыленко намерен дальше реформировать и развивать судебную и прокурорскую системы, которые являются ключевыми в соблюдении законности в стране.

В 1932 г. был опубликован большой доклад Н.В. Крыленко «Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности», в котором он подробно прокомментировал постановление от 7 августа 1932 г., отметив, что «декрет ставит своей задачей охранить нынешнюю новую общественную собственность во всех её основных видах – государственную, колхозную, кооперативную» [17].

Он выражает мысль о том, что декрет о расстреле за преступления против общественной собственности был встречен «с глубоким удовлетворением широчайшими массами трудящихся нашего союза» [17]. Крыленко также затрагивает и тот факт, что декрет был воспринят в среде сторонников советской власти как чрезмерно жестокий и необоснованный в отношении тех, кто посягнул на общественное богатство. Декрет устанавливает только две меры репрессии: «расстрел и лишение свободы на 10 лет» [17].

Крыленко вначале рассказывает об истории капитализма не только в России, но и в других странах, подмечая, что «собственность зародилась с момента, когда разложение родового общества на базе разделения труда поставило отдельные группы людей в различные отношения к средствам производства» [17].

Он выделяет четыре основные группы лиц, на которых и направлен данный декрет: во-первых, это классовые враги и сторонники контрреволюции, во-вторых, политические противники, выступающие против классовых интересов, в-третьих, это элементы мелкой буржуазии, в-четвёртых, преступники, воры, бандиты. В общем и целом, граждане, совершающие преступления против общественной собственности. Крыленко выделяет и пятую группу – «несознательный рабочий, стремящийся также использовать советское добро для своих целей» [17]. Но к ним у Крыленко более снисходительное отношение.

Во время пленума в январе 1933 г. Крыленко сильно возмущался тем, что судьи не следуют политической линии партии. По его мнению, судьи преследуют идеалы «высшей справедливости» [15], что продиктовано буржуазными правовыми традициями и что не должно быть характерно для советского порядка. Николай Васильевич, являясь бурным сторонником социалистической идеологии, активно продвигал её постулаты в массы, принуждая всех придерживаться их.

В 1933 г. состоялась XVII конференция ВКП(б), на которой выступал Крыленко, перед этим написав статью для журнала «Советская юстиция», в которой говорил о необходимости юридическим органам предоставить отчёты о проделанной работе, а также борьбе с «капиталистическими элементами», которые находятся в городах и сёлах, и с которыми противостояние ещё будет продолжаться путём «прямого подавления» [2].

В период 1933 г. судопроизводство в РСФСР было организовано через сеть районных и областных судебных учреждений. На тот момент существовало около 2 000 народных судов и 40 высших судебных органов вместе с судами автономных областей. Здесь

Верховный суд занимал высшую ступень в иерархии, реализовывая руководство судебной деятельностью и придерживаясь партийных политических направлений [2].

На протяжении 1934 и 1935 гг. Н.В. Крыленко выступал на различных мероприятиях, участвовал в культурно-массовой работе в системе исправительных учреждений. Он делился знаниями, опытом во время семинаров в Институте советского строительства и права Коммунистической академии. Встречался с представителями прокуратуры и органов юстиции, даже с работниками из Северного края и Оренбургской области [2], обсуждая с ними вопросы законности и правосудия.

В 1935 г. Николаем Крыленко была достигнута одна из последних наивысших точек славы. За свои заслуги перед советским государством, которое обязано ему эффективным развитием органов юстиции в соответствии с политической линии партии, он был награжден орденами Красного Знамени и Ленина. На этот год пришлось 50-летие Крыленко и 30-летие его профессиональной юридической деятельности. В поздравительных статьях и периодической печати отмечалось, что он всегда отстаивал позиции партии в борьбе против врагов революции [2].

Массовым тиражом Государственное издательство выпустило брошюру Н.В. Крыленко «О задачах органов юстиции» с приложением статьи Н.И. Бухарина к 50-летию Крыленко: «Жизнь для революции». Бухарин называет Крыленко общепризнанным боевым оратором большевиков». Он писал о нем: «Прекрасный теоретик, блестящий судебный оратор, великолепный следователь, непримиримый боец, он кипел на работе, и наши кодексы носят полноценные следы его упорного и кропотливого труда. Эта его работа, которую он продолжает и по сей день, поистине необозрима» [2].

Несмотря на свою политическую деятельность, которая шла вразрез с общечеловеческими моральными нормами, Н.В. Крыленко был человеком всесторонне развитым. Он, скорее всего, единственный среди советских прокуроров, кто имел такие далекие от юриспруденции интересы, где он достиг подлинного мастерства.

На Всесоюзном совещании прокуроров летом 1936 г. Н.В. Крыленко произнёс речь, получившую название «К новым победам», в которой выразил мысли по поводу роли законности и права в социалистический период, и каким образом будет осуществляться юридическое строительство. Прокуратура окончательно отделялась от суда и теперь строила свою работу так, чтобы прокурор был в курсе всех дел, проходящих в народном суде. Отсюда вытекал новый принцип работы органов юстиции, подразумевающий серьёзное регулирование судебного надзора со стороны прокуратуры [2]. Такое положение складывалось «из политических условий сегодняшнего дня» [2].

20 июля 1936 г. Николай Васильевич Крыленко получил должность народного комиссара юстиции СССР, и был создан Союзный наркомат юстиции. Это пик власти Крыленко. Как показала практика, Союзный наркомат юстиции оказался безвластным и занимался только подготовкой законов, заведовал адвокатскими коллегиями, обеспечением работы судов, нотариальных контор и юридическим образованием [15].

Инициатива на юридическом поле полностью перешла А.Я. Вышинскому, который поменял систему судов и прокуратуры. В долгой борьбе с Крыленко он вышел победителем, сместив его с «Эвереста славы» и подорвав репутацию преданного чиновника, в результате чего Николай Васильевич будет расстрелян в 1938 г.

Таким образом, беспрерывно выступая государственным обвинителем, Н.В. Крыленко во время «Шахтинского дела» и процесса над инженерами и специалистами из сферы угольной промышленности в 1928 г., в очередной раз проявил себя как яркий представитель советского правосудия. Он не стеснялся в выражениях, когда говорил о подсудимых, навешивая на каждого те или иные «ярлыки». Система советского следствия развивалась таким образом, что приговор был известен ещё на предварительном этапе, однако было чрезвычайно важно мнение обвинителей, подтверждающие показания и улики, добытые судом, в чём Крыленко всегда был уверен. Во время процесса подсудимые, испытывая давление обвинителя, сознавались, но здесь прокурор чувствовал себя менее уверенно, потому что слышал множество весомых фактов. Однако это не помешало ему довести дело до конца и потребовать высшей меры наказания, что и было исполнено советским судом.

В деле Промышленной партии Крыленко снова представлялся на страницах периодической печати как активный участник политического процесса над инженерно-технологической интеллигенцией. Проведённые допросы и высказанные им мысли, а также обвинительное заключение были направлены на подтверждение вредительских действий обвиняемых, которые точно так же сознались на процессе и были в курсе своего приговора ещё заранее, а Крыленко призвал к расстрелу всех подсудимых, потому что они якобы могли дальше представлять опасность. Суд прислушался к государственному обвинителю.

Занимая пост наркома юстиции, Крыленко был энергичен как никогда, что отразилось на юридическом оформлении судебной, прокурорской и законодательной систем в целом. Это привело к усилению зависимости учреждений от политического курса партии. Большая часть сотрудников судебных инстанций, прокуратуры обязана придерживаться идеологии при осуществлении своей деятельности. Крыленко приложил руку к созданию той карательной и идеологизированной системы, которая через время ответит Николаю Васильевичу тем же приговором, что и он сам выносил гражданам.

Список источников

1. Васильев С.Д., Алекперов Р.С., Настасюк Н.П. Крыленко Н.В.: деятельность в органах юстиции. 1920-е – начало 1930-х гг. Часть 1. Крыленко Н.В. – заместитель наркома юстиции // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 2 (67). С. 15–16
2. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Распятие революцией: российские и советские прокуроры. XX век. 1922-1936. М.: РОССПЭН, 1998.
3. Крыленко Н.В. Об очередных проблемах суда и права // Известия. 1928. 11 мая.
4. Шахтинское дело // Известия. 1928. 30 июня. С. 2–3.
5. Есиневич А.А. Театр абсурда или судебный процесс по «Шахтинскому делу». СПб., 2004. С. 141.
6. «Промпартия» хотела установить военную диктатуру буржуазии // Известия. 1930. 29 нояб. С. 3.
7. Процесс членов ЦК контрреволюционной партии организации «Промышленная партия» // Известия. 1930. 1 дек. С. 4.
8. Вредители продолжают разоблачать подготовку интервенции // Известия. 1930. 3 дек. С. 3.
9. Речь государственного обвинителя тов. Крыленко // Известия. 1930. 8 дек. С. 7.
10. Процесс членов ЦК контрреволюционной партии организации «Промышленная партия» // Известия. 1930. 9 дек. С. 4.
11. Крыленко Н.В.. Выводы и уроки из процесса «Промпартии». М.; Ленинград: Огиз – Моск. рабочий, 1931. С. 13.
12. Крыленко Н.В. Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. С. 114–274.
13. Смирнов Н.Г. Репрессированное правосудие. М.: Гелиос АРВ, 2001. С. 28.
14. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. Л. Максименкова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 78.
15. Млечин Л.М. Полководцы-революционеры. СПб.: Амфора, 2015.
16. Крыленко Н.В. О задачах органов юстиции: речь нар. комиссара юстиции РСФСР тов. Н.В. Крыленко на Совещании работников юстиции АССРНП 21 марта 1935 г. Энгельс: Немгосиздат, 1935 (тип. Н.К.М.П.). С. 12.
17. Крыленко Н.В. Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности. М.: Партиздат, 1932 (тип. изд-ва «Дер эмес»).

References

1. Vasil'ev S.D., Alekperov R.S., Nastasyuk N.P. Krylenko N.V.: deyatel'nost' v organah yusticii. 1920-e – nachalo 1930-h gg. Chast' 1. Krylenko N.V. – zamestitel' narkoma yusticii // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii. 2025. № 2 (67). S. 15–16.
2. Zvyaginцев A.G., Orlov Yu.G. Raspyatie revolyuciej: rossijskie i sovetskie prokurory. XX vek. 1922-1936. M.: ROSSPEN, 1998.

3. Krylenko N.V. Ob ocherednyh problemah suda i prava // Izvestiya. 1928. 11 maya.
4. Shahtinskoe delo // Izvestiya. 1928. 30 iyunya. S. 2–3.
5. Esinevich A.A. Teatr absurda ili sudebnyj process po «Shahtinskomu delu». SPb., 2004. S. 141.
6. «Prompartiya» hotela ustanovit' voennuyu diktaturu burzhuzii // Izvestiya. 1930. 29 noyab. S. 3.
7. Process chlenov CK kontrevolyucionnoj partii organizacii «Promyshlennaya partiya» // Izvestiya. 1930. 1 dek. S. 4.
8. Vrediteli prodolzhayut razoblachat' podgotovku intervencii // Izvestiya. 1930. 3 dek. S. 3.
9. Rech' gosudarstvennogo obvinitelya tov. Krylenko // Izvestiya. 1930. 8 dek. S. 7.
10. Process chlenov CK kontrrevolyucionnoj partii organizacii «Promyshlennaya partiya» // Izvestiya. 1930. 9 dek. S. 4.
11. Krylenko N.V.. Vyvody i uroki iz processa «Prompartii». M.; Leningrad: Ogiz – Mosk. rabochij, 1931. S. 13.
12. Krylenko N.V. Obvinitel'nye rechi po naibolee krupnym politicheskim processam. M.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1937. S. 114–274.
13. Smirnov N.G. Repressirovannoe pravosudie. M.: Gelios ARV, 2001. S. 28.
14. Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline / per. s angl. L. Maksimenkova. M.: ROSSPEN, 2008. S. 78.
15. Mlechin L.M. Polkovodcy-revolucionery. SPb.: Amfora, 2015.
16. Krylenko N.V. O zadachah organov yusticii: rech' nar. komissara yusticii RSFSR tov. N.V. Krylenko na Soveshchanii rabotnikov yusticii ASSRNP 21 marta 1935 g. Engel's: Nemgosizdat, 1935 (tip. N.K.M.P.). S. 12.
17. Krylenko N.V. Ob ohrane i ukreplenii obshchestvennoj (socialisticheskoy) sobstvennosti. M.: Partizdat, 1932 (tip. izd-va «Der emes»).

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 19.02.2026

Принята к публикации: 10.04.2026

The information about article:

Article was received by the editorial office: 19.02.2026

Accepted for publication: 10.04.2026

Информация об авторах:

Васильев Сергей Дмитриевич, магистрант кафедры международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3), e-mail: gormiti1502@gmail.com

Алекперов Руслан Садигович, магистрант института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48), e-mail: alekperoff2013@yandex.ru

Настасюк Наталья Петровна, доцент кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат политических наук, доцент, e-mail: nastasuk@gmail.com

Information about the authors:

Vasiliev Sergey D., faculty of international relations, master's degree, department of international relations in the post-soviet space of Saint-Petersburg state university (191060, Saint-Petersburg, Smolny str., 1/3), email: gormiti1502@gmail.com

Alekperov Ruslan S., master's degree of institute of history and social sciences of Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen (191186, Saint-Petersburg, riv. emb. Moika, 48), e-mail: alekperoff2013@yandex.ru

Nastasyuk Natalia P., associate professor of department of philosophy and social of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of political sciences, associate professor, e-mail: nastasuk@gmail.com